

Анастасия Якушева

**ПЕЧАТЬ
АВАИМА**
СТОЛПЫ В ПУСТОТЕ

RUGRAM

Москва
2026

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Я49

Якушева А.

Я49 Печать Аваима. Столпы в пустоте / А. Якушева. — М. :
RUGRAM, 2026. — 448 с. — (Печать Аваима).

ISBN 978-5-517-13589-6

Столкнувшись с древним злом, одаренный лекарь и его соратники оказываются вовлечены в масштабные события. Опасные твари из пустыни нападают на мирное население; солдаты Страны за Горами угрожают войной; союзы племен не встречают понимания среди воинов, а боги не спешат раскрывать свои тайны. Но в мире, стоящем на краю разрушения, невозможно уцелеть, спрятавшись за вековыми ограничениями. Лишь отбросив предрассудки и объединив усилия, можно защитить себя и вернуть равновесие.

Кого изберет судьба, чтобы изменить историю? И возможно ли возродить столпы, на которых покоится гармония мира?

Заключительная книга трилогии, в которой каждый поиск завершится ответом... но понравится ли он ищущим?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13589-6

© Якушева А., текст, обложка,
иллюстрации, 2025
© Едалина У., карта, 2025
© RUGRAM, 2025

Пролог

Граф Айсенбер потер глаза и откинулся в кресле. Стол перед ним утопал под кипами исписанных листов. На полу лежало сборное изображение покрытой символами человеческой фигуры — то самое, которое они с Готфридом не так давно срисовали с тела Тамаша. С самого отъезда лекаря Мартин бился над этими символами. Пробовал записывать в строчку, анализировал закономерности, выискивал повторяющиеся фрагменты и хоть какие-то зацепки, но все было тщетно. Они будто и вовсе не были предназначены для письма. Вычурные, замысловатые, со своей особенной, неподвластной простой логике красотой, они свивались длинными спиралями и кольцами, увеличивались и уменьшались в размерах, переплетались и образовывали пять четких центров, которые стали заметны только после того, как Мартин отчаялся добиться результата с отдельными листами и разложил на полу общее изображение. И теперь он с новым интересом оглядывал свою находку.

В дверь деликатно постучали.

— Входи, Готфрид, — откликнулся Мартин.

Щелкнул замок, и зашел управляющий с кофейным подносом. Не найдя на столе свободного места, он поставил принесенное на подоконник.

— Подойди, — позвал его граф, — хочу показать кое-что.

Готфрид налил в чашечку ароматного напитка и подошел.

— Посмотри сюда. — Мартин взял кофе и указал на разложенные на полу листы. — Есть какие-то мысли?

Готфрид прищурился и слегка отвернул голову, разглядывая изображение боковым зрением.

— Они как будто разделены на группы. Ведь так?

— Именно, — улыбнулся Мартин, — странно, что мы не заметили этого, когда срисовывали.

— Мы рисовали частями, на коже этого не было видно.

— Согласен, но у меня все равно закончились идеи. Я не знаю, от чего оттолкнуться.

— Мне известно, — предположил Готфрид, — что в некоторых манускриптах использовали специальные значки для изображения целого слова.

— Да, я тоже об этом думал, — вздохнул Мартин, — но тогда бы часть символов повторялась, а здесь нет одинаковых... Я начинаю сомневаться в этой затее.

— Вы слишком к себе строги.

— Нет. Я просто был излишне самонадеян, но... мне очень не хотелось оставаться в стороне от этих невероятных поисков. Знаешь что, Готфрид?

— Нет, ваше сиятельство.

— Я им завидую. Правда. Я бы хотел, чтобы в моей жизни тоже случилось такое приключение.

— Не думаю, что это то, к чему вы стремитесь, — покачал головой управляющий. — Дорожные лишения, безусловно, обладают романтической притягательностью, но ровно до тех пор, пока о них рассказывает кто-то другой.

— Ты скорее всего прав, — граф тряхнул светлыми волосами, — но от этого они не менее привлекательны. Ах, что за великолепная авантюра это могла бы быть!

Он неловко взмахнул рукой, и несколько капель выплеснулись на листы на полу.

Мартин отставил чашку и прикрыл глаза рукой.

— Нет, мне ни за что не успеть к сроку. Три месяца скоро закончатся, и придется отправлять письмо не с новыми открытиями, а с пустыми извинениями. — Он вздохнул и посмотрел на причудливую мешанину черно-коричневых узоров.

И чем дольше он смотрел на испорченную страницу, тем настойчивее казалось, что кофейные разводы как будто дополняют изящные завитушки древнего письма и придают хаотичным узорам некий смысл. Граф скользил взглядом по знакомому изображению. Казалось, что разгадка где-то совсем рядом, нужно лишь отступить с привычной дорожки и посмотреть с другой стороны. Он даже покрутил головой, примериваясь то одним глазом, то другим, и вдруг едва не вскрикнул от мелькнувшей догадки. Схватил грифель и крупно начертил два символа, а потом вдруг разорвал бумагу пополам. Заинтересованный Готфрид вытянул шею, а Мартин как замороженный положил оба клочка перед собой и принялся медленно вращать вокруг своей оси, пока внезапно очертания не совпали, будто две части одного целого. Тогда он вынул еще листок и зарисовал новую фигуру, объединив их в один. Дрожащими от волнения руками выбрал следующий символ из цепочки на полу, перенес на бумажку и принялся вращать относительно нового изображения, пока не нашел правильное положение.

— Готфрид... — пробормотал он. — Неси новые грифели и бумагу. В ближайшее время ты будешь нужен мне здесь.

— Будет сделано, ваше сиятельство.

За следующий день они скопировали на отдельные листы каждую группу символов. После чего Мартин отпустил Готфрида и принялся за работу. Он скрупулезно переносил на отдельные бумажки каждый символ и подбирал положение, а затем зарисовывал на новом листе, словно собирал разбросанные кусочки мозаики. Вскоре он настолько наловчился, что мог с ходу подбирать нужное положение, минуя зарисовку на отдельных клочках. И дело пошло быстрее.

Работа настолько увлекала его, что о необходимости поесть или отдохнуть он вспоминал, только когда в кабинете появлялся Готфрид — с едой или предложением сделать

перерыв на сон. Последнее давалось Мартину особенно тяжело — сон казался непозволительной роскошью, а в душе росло чувство тревоги, подгонявшее закончить как можно скорее.

— К чему эта спешка, ваше сиятельство? — не выдержал в один из дней Готфрид. — Вам не обязательно отправлять полную расшифровку по окончании трех месяцев. Не было такого уговора. Я присутствовал и хорошо помню, что с господином лекарем условились лишь обменяться записками о ходе дел и последних новостях.

— Все так, Готфрид, — Мартин откинул взлохмаченные волосы, которых давно не касалась расческа, — но меня не оставляет тревожное чувство, что закончить необходимо как можно скорее.

— Я полагаю, ваше волнение вызвано усталостью и чрезмерно интенсивной работой. Вам нужен отдых и полноценный сон.

— Увы, но нет, — покачал головой Мартин, — ни на то ни на другое нет времени. Три месяца истекают через две недели. На дорогу до приграничного городка уйдет дня три, значит, закончить я должен за десять дней. У меня будет для тебя задание.

— К вашим услугам.

— Распорядись подготовить мой экипаж и все необходимое для зимней поездки к этому сроку.

— Вы же не собираетесь...

— Именно что собираюсь. И это не обсуждается. Ты поедешь вместе со мной, так что позаботься и о своем снаряжении.

— Но зимние дороги небезопасны и труднопроходимы!

— Да, и поэтому подбери кого-то покрепче нам в сопровождение и посноровистей, чтобы знали, как управляться со снежными наносами.

— Будет сделано, ваше сиятельство.

— Спасибо, Готфрид. И еще... когда отдашь распоряжения, возвращайся. Мне нужна твоя помощь, чтобы управиться до отъезда.

— Могу я спросить?

— Конечно.

— Для чего вам ехать лично? Вы любите комфорт и роскошь, а в подобной поездке будете лишены и того и другого.

— Считаю это моим тщеславием, — улыбнулся Мартин. — Я хочу лично рассказать об этом открытии.

— Но вы уверены, что господин Тамаш тоже там будет? Может, он просто передаст записку с новостями, как вы и условились?

— Он не поручит записку чужаку, который не ознакомлен с ситуацией, а значит, на встречу скорее всего прибудет кто-то из наших знакомых. Я буду рад любому из них.

— Я вас понял, — поклонился Готфрид. — Отдам распоряжения и вернусь.

— Благодарю.

Когда Готфрид вернулся, дело пошло значительно быстрее, и за день до окончания отведенного десятидневного срока работа была окончена.

Мартин с величайшей бережностью сложил пять новых листов, проложив их тонкой льняной тканью, и убрал в приготовленный Готфридом кожаный дорожный цилиндр. Разбросанные по всему кабинету клочки бумаги управляющий лично сжег в камине, а оригинальное изображение запер в конторке.

Весь следующий день Мартин большей частью был задумчив. Он рассеянно следил, как Готфрид составляет инструкции для прислуги на время их отсутствия. А наутро, задолго до восхода, экипаж на широких полозьях в сопровождении троих конных выехал в направлении гор.

Глава 1

Леса Орман-Калик — в преддверии исцеления

Вигмар поерзал на жесткой койке. Отлежанные бока ныли со всех сторон, а нутро от движения отзывалось тупой болью. И не то, чтобы невозможно было терпеть, — нет, сильные боли остались в прошлом, но во всем теле непрестанно что-то ломило, тянуло и саднило. От долгого лежания мышцы сделались непослушными, и, как ни ляг, все казалось неудобным и невыносимым. Да еще и словом перекинуться было не с кем: раненых в большом общинном доме каждый день становилось все меньше, а те, кто еще оставался, по возможности старались размещаться на некотором расстоянии от недовольного и ворчащего Вигмара.

Он огляделся в поисках, кому бы пожаловаться, но с удивлением обнаружил, что остался в одиночестве — пока он дремал, исчезли последние соседи. Внезапно входной полог откинулся, и Вигмар разглядел против света знакомую худую фигуру Тамаша. Выслушивать нравоучительные подбадривания сил не было, и он предпочел отвернуться и притвориться спящим. Лекарь потоптался у входа, стряхивая налипший снег, и направился вглубь помещения.

— Вигмар, — позвал он, — тебе пора бы начать выходить на улицу.

— Когда кишки перестанут вываливаться, обязательно пойду, — буркнул не поворачиваясь Вигмар.

— Твои кишки будут в порядке, если не таскать тяжести. А движение и свежий воздух необходимы для выздоровления.

— Что ты прицепился? Кому какое дело, когда я начну вставать?

— Как ни странно, очень многим. Мы за тебя переживаем. Вигмар презрительно фыркнул и обернулся.

— Лучше скажи, как Ягори?

— Все так же, Эстер о ней заботится, но мы мало что можем сделать.

— Тогда я пойду к ней.

— Мы говорили об этом, ты пока слаб...

— Ты определись: двигаться мне или нет? — вспыхнул Вигмар.

Тамаш устало вздохнул.

— Конечно, двигаться, но с учетом твоих нынешних возможностей.

— Дерьмо, а не возможности. — Вигмар горько скривился. — И было-то дерьмо, а теперь дерьмовейший концентрат. Эссенция, мать ее.

— Ну, что есть, — пожал плечами Тамаш. — У кого-то не осталось и этого. Не всем повезло выжить.

— Хватит зубы заговаривать. Хочешь, чтобы я двигался? Тогда проводи к сестре.

— Вигмар, я говорил: она себя не контролирует.

— И что?

— Любой, кто находится рядом с ней, начинает слабеть, — терпеливо пояснил Тамаш, — а ты и без того едва очнулся.

— И как же тогда Эстер за ней ухаживает?

— Я не знаю... Но она почему-то никак не реагирует. И мне даже кажется, наоборот, благотворно влияет на Ягори.

— Так ты мне предлагаешь отдохнуть и набраться сил, пока моя сестра там отдает концы?

— Я не знаю, Вигмар. — Тамаш беспомощно развел руками. — Как лекарь я бы посоветовал действительно набраться сил, но как друг — и твой, и Ягори — я все понимаю.

— А что говорит по поводу нее Кузгун?

— Ничего нового, — покачал головой Тамаш. — И он, и дед Ксатры считают, что ей помог бы крупный источник вроде каменного тролля, чью силу можно поглотить. Но поблизости ничего такого нет, а поиски в горах займут слишком много времени.

Вигмар стиснул зубы и с трудом сел, придерживая рукой вспыхнувший болью живот. Отдышался и заглянул под одеяло — свежий шрам темно-розовым спрутом выступал чуть левее пупка, заползая на бок и грудную клетку. На спине, он знал, хоть и не видел, был похожий рубец, только немного меньше. После того как Тамаш спас его и передал жизненную силу, разорванные внутренние органы и сломанные кости восстановились, но раны были так серьезны, что на полное выздоровление ее уже не хватило, и рубцы заживали медленно и постоянно болели.

Тамаш помог ему одеться, и вдвоем они вышли на улицу.

Было морозно. За последние пару недель землю плотно усыпало снегом, а полукруглые хижинки до половины замело сугробами. Только кое-где над крышами вились сизоватые дымки очагов. Солнце стояло высоко, и его золотистые искры просеивались сквозь высокие кроны и рассыпались прихотливым узором на чистой, укутанной белым земле.

Вигмар поначалу пытался бодриться и вышагивал, высоко задрав подбородок, но чем дальше они отходили, тем тяжелее давался каждый следующий шаг. Над губой, несмотря на холод, выступила испарина. Рукой он вначале придерживался за живот, но вскоре вынужден был опереться на Тамаша. А потом и вовсе остановиться, чтобы перевести дух.

— Может, на сегодня достаточно? — спросил лекарь.

— Нет... — прошипел Вигмар. — Хочешь помочь — помогай.

Он крепче сжал руку лекаря и снова пошел вперед — к окраине поселения, где им всем когда-то выделили тройку хижин. Медленно, с остановками, отдуваясь и скрежеща